

Любовь Киви-Минскер: «Везет тому, кто сам везет» | Lioubov Kiwi-Minsker: "Celui a de la chance qui fait de l'effort"

Author: Надежда Сикорская, [Лозанна](#) , 21.07.2010.

Профессор EPFL Любовь Киви-Минскер

На прошлой неделе на базе Лозаннской федеральной политехнической школы (EPFL) прошла летняя школа для химиков, в работе которой приняли участие 14 молодых ученых из России. Руководила проектом директор группы Технологии Каталитических Реакторов, профессор EPFL, доктор наук, Любовь Киви-Минскер.

|
La semaine passée les cours d'été de chimie ont eu lieu à l'EPFL. 14 jeunes chercheurs de

Russie y ont participé sous la direction de la responsable du Groupe de recherches des réactions catalytiques, professeur à l'EPFL, docteur ès sciences, Lioubov Kiwi-Minsker. Lioubov Kiwi-Minsker: "Celui a de la chance qui fait de l'effort"

Есть люди, знакомясь с которыми, сразу испытываешь двойственное чувство. С одной стороны, огромную симпатию и желание называть уменьшительно-ласкательными именами, а с другой – глубочайшее почтение, не позволяющее перейти на «ты». Так получилось и с профессором Киви-Минскер, которая немедленно стала Любочкой, но – на «вы».

Наша Газета.ch: Любочка, Вы только что провели неделю с молодыми

учеными, в основном, из России.

Какие впечатления? Довольны ли Вы результатами?

Любовь Киви-Минскер: Я-то довольна, но главное, что и они тоже. Действительно, среди участников первой подобной летней школы 14 человек, то есть три четверти, были из России. Все расходы по их пребыванию в Швейцарии взяло на себя Почетное консульство России в Лозанне. Наши ученые приехали из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Самары, Саратова и Твери с тем, чтобы прослушать цикл лекций ведущих профессоров из Лозаннской и Цюрихской Политехнических школ, из Университета Ворвика (Великобритания) и других престижных учебных заведений Европы.

Наверное, им было интересно увидеть и испробовать современное оборудование, которым так прекрасно оснащена EPFL?

Безусловно, и это было второй целью летней школы, ведь в России научная инфраструктура находится в упадке. Поэтому мы и задумали так: утром теория, а после обеда – практические занятия в лабораториях. Большой восторг вызвали, например, микрореактора, последнее достижение в химии. Уехали ребята не с пустыми руками: они получили все тексты лекций и практических работ.

Трудно было все это организовать?

К счастью, я отвечала только за научную часть, а все организационные хлопоты взял на себя иностранный отдел EPFL и прекрасно справился с задачей.

А как Вы сами стали профессором EPFL?

Счастливым случай, хотя вряд ли что-то бывает в жизни случайно. В 1992 году я впервые приехала в EPFL с лекцией на семинар – в тому времени я уже была кандидатом наук и работала доцентом Новосибирского университета, немало опубликовала работ, после начала перестройки начала появляться на конференциях, подтянула английский... А год спустя мне как раз полагался «сabbатикал», и я попросилась провести его в EPFL.

И стали «невозвращенкой», если использовать терминологию прошлых лет?

К счастью, такие термины остались в прошлом. В EPFL профессор Ренкен, заведующий лабораторией технологий химических реакторов, меня взял как специалиста по катализу, таких как раз ему не хватало.

Неужели сразу на профессорскую должность?

Нет, конечно! Сначала он меня вообще брать не хотел, сказал, что я слишком квалифицированный специалист, а у него нет подходящих ставок. Но потом мы договорились на полставки, и я осталась. Эти полставки, как вы понимаете, в несколько раз превышали те полторы, что я получала в

Новосибирске. Но дело, конечно, не только в деньгах. Я всегда очень хотела заниматься наукой, и трудно описать мое счастье, когда, впервые заказав по телефону какие-то химикаты, я на следующий же день получила их, в аккуратно упакованных коробочках, прямо в офис! Я ощутила себя в раю!

Вы думаете, в России у Вас бы не было таких возможностей?

В России мне пришлось бы в какой-то момент уйти из науки, чтобы выжить. А здесь можно спокойно работать, не бегая на подработки, как вынуждены делать наши научные работники. И при этом достойно жить.

Помните ли Вы Ваш первый проект в EPFL?

А как же! Он назывался Inco Copernicus, мы начинали его с шестью партнерами, из которых трое были нашими – институты Москвы, Новосибирска и Киева. Мы стали набирать людей, образовалась группа. А потом я начала подавать заявки на финансирование различных проектов и приносить деньги в EPFL.

Очевидно, Вы ценный добытчик: в одном из недавних номеров журнала школы Вам посвящена целая статья. Еще бы - Вы получили под свои проекты

2,4 миллиона

евро!

Да, мне очень повезло. Хотя, как говорит один мой знакомый, «везет тому, кто сам везет».

В EPFL работает много российских учёных, общаетесь ли вы между собой?

К сожалению, не очень. Лично я активно общаюсь с Игорем Юрановым и Олегом Бояркиным, просто потому, что мы вместе работаем. А с некоторыми даже не знакома.

Многие наши соотечественники жалуются на предвзятое отношение к себе со стороны швейцарцев. Испытали ли Вы нечто подобное?

Совершенно нет. EPFL - истинно интернациональное заведение, где работают представители 111 стран мира. Здесь признали все мои русские дипломы, платили такую же зарплату как и всем, и, главное, дали равные шансы – и как женщине, и как выходцу из России. Мне не чинили никаких препятствий, но и не делали поблажек, и я очень рада этому последнему обстоятельству, ибо иной подход был бы унижительным.

Чем Вы конкретно занимаетесь в EPFL?

Прелесть этой школы в том, что можно совмещать теоретические исследования с огромным количеством прикладной работы – мы реализуем р

азличные проекты для швейцарской индустрии, финансируемые Федеральной Комиссией по Науке и Комиссией по технологиям и инновациям.

Можете ли привести пример, понятный простому смертному? Мои собственные контакты с химией заканчиваются страшными воспоминаниями о школьном выпускном экзамене, на котором мне достался билет № 16 по серной кислоте.

Серная кислота – опасное вещество! Одна из современных тенденций в химии, как и во многих других областях, это миниатюризация. Наша цель – «перенести» классический химический завод на «микрочип», заменить громоздкое производство множеством микрореакторов. Мы стремимся к созданию реактора с микронными диаметрами, меньше миллиметра.

Вот представьте себе, что Вы проводите эксперимент с серной кислотой в традиционных условиях – на заводе, в лаборатории, в большой колбе и т.д. И вдруг что-то не получается, и все взлетает на воздух. А если что-то взорвется на чипе – никто не пострадает. Поэтому безопасность, эффективность, возможность точного контроля – важнейшие требования к современному химическому процессу. Огромные страшные заводы постепенно исчезнут, а их место займут переносные установки, производящие по потребности.

Каким видится Вам отсюда

будущее российской науки?

Ох, это сложный вопрос. Конечно, радует заявленное стремление российского правительства поддержать отечественную науку. Радует и обещанный размах – до 150 миллионов рублей под определенные проекты, то есть, 5 миллионов долларов, это очень серьезное финансирование. Необходимо восстанавливать, а порой и создавать заново инфраструктуру, чтобы наука и образование – которые, как выясняется, в советские времена были не такими плохими – вернулись к прежнему уровню и превзошли его. Обидно смотреть на то, что сейчас происходит – ведь и умы есть блестящие, и энтузиасты...

Ваш спутник жизни - хореограф Азарий Плисецкий. Трудно представить себе более отдаленные области, чем химия и балет, однако одного взгляда на вас достаточно, чтобы понять, как вам вместе хорошо. Что кажется вам стержнем ваших отношений?

Химию легко «соединить» с искусством, тому пример композитор Бородин, который был также выдающимся химиком. Мы соединили химию и балет, а общая основа – творчество...

Счастливы ли Вы?

Каждое утро я просыпаюсь с ощущением свободы – это и есть счастье.

[EPFL](#)

[русские ученые в Швейцарии](#)

[Лозаннская политехническая школа](#)

Статьи по теме

[Азарий Плисецкий: «Балет – это диагноз»](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/node/10196>